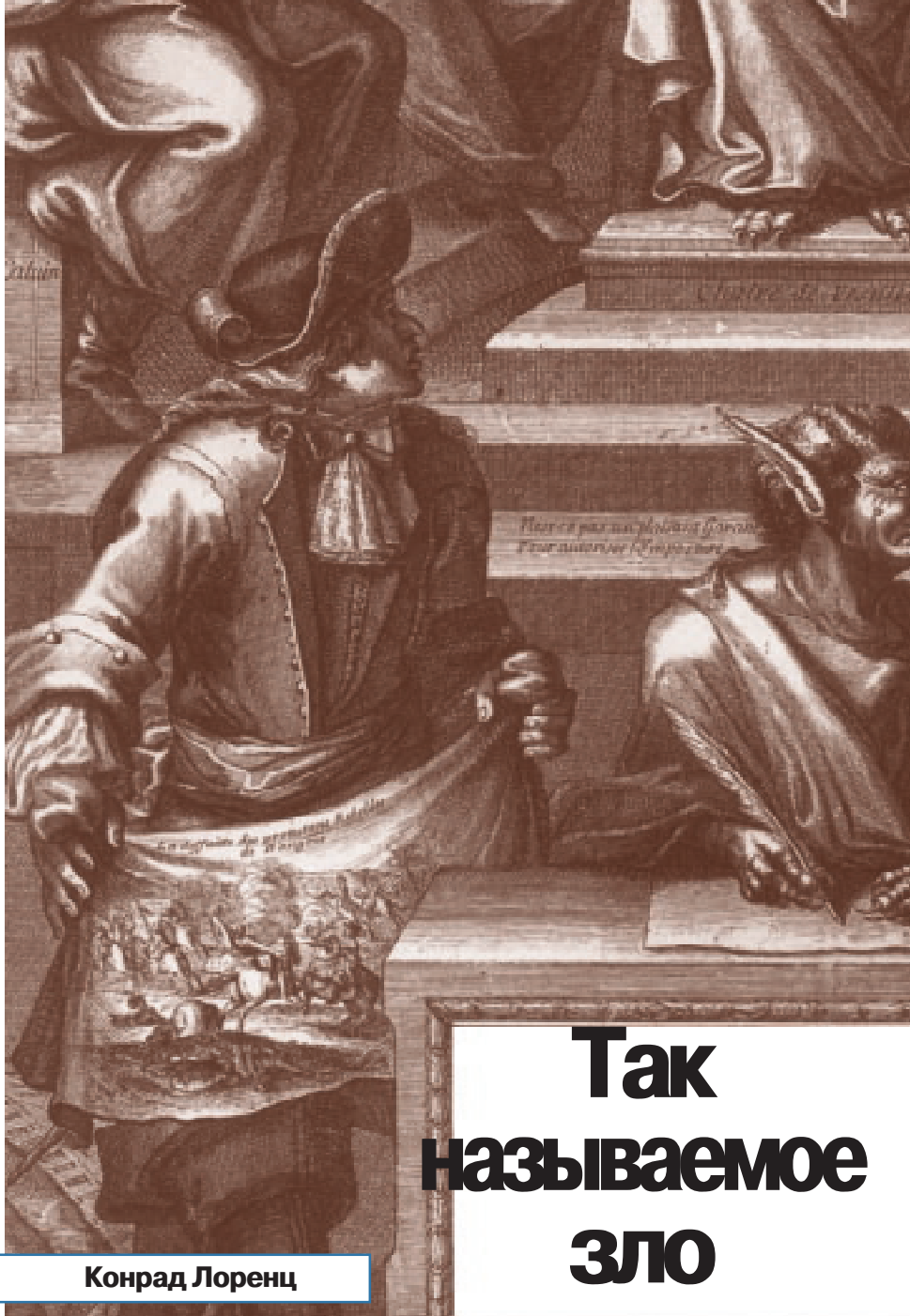

друг к другу супруги могут делить свои личные территории — и еще, пожалуй, мать с грудным ребенком. Между тем неуважение людей к личной, частной жизни иногда просто поражает: без предупреждения приехать на пару недель к родичам или знакомым до сих пор у многих считается в порядке вещей. Несколько молодых семей на моей профессиональной памяти распалось именно потому, что в их квартире постоянно жили родственники из провинции.

Ребенку собственная территория нужна чуть ли не больше, чем взрослому. Пусть это будет не отдельная комната, а небольшой уголок, ширма, за которой стоит детская кроватка и тумбочка с игрушками, — но это «его место», и здесь можно делать что угодно, даже не убирать на ночь разбросанные игрушки. Если в детстве у человека не было собственного угла и своих вещей, которыми он лично распоряжается, то и во взрослой жизни он не сможет различать «свое» и «чужое». В свое время теоретики коммунизма сумели настолько оторваться от реальности, что создали систему общаг, где у человека не оставалось ничего своего. (Боролись не только с частной, но и с личной собственностью!) Хотя, может быть, они сознательно рассчитывали поломать человеческую природу и создать «нового человека»? Но если так, эксперимент был скорее неудачным. Бескорыстие так и не стало характерной чертой любого советского человека, а готовность «все поделить» проявлялась лишь тогда, когда делили чужое. Так называемые «советские люди», продукты великих строек, общаг и барачков, зачастую спокойно несли домой с родного производства все, что плохо лежит, — и оскорблялись, если их поведение называли воровством. В то же время естественную привязанность к личным вещам многие считали чем-то зазорным — «мещанством» или «вещизмом».

Очевидно, более достойно человека разумного не отрицать, а уважать свою общность с животными, свои «корни». Не следует сверх меры идеализировать патриотизм или любовь к домашнему очагу; подобие этих возвышенных чувств есть и у спаниеля. Но если кто-то встал ногами на ваше одеяло — не забывайте, что у вас имеется естественное право прогнать чужака. Конечно, лучше не рычанием, а словами.

Конрад Лоренц

Так называемое ЗЛО

К естественной истории агрессии

Из главы 3 «Чем хорошо зло»

Для чего вообще борются друг с другом живые существа?..

Неспециалисты, сбитые с толку сенсационными выдумками прессы и кино, представляют себе взаимоотношения «диких зверей» в «зеленом аду» джунглей как кровавую борьбу всех против всех. Совсем еще недавно бывали фильмы, в которых можно было увидеть, например, схватку бенгальского тигра с питоном, а сразу после этого — питона с крокодилом. С чистой совестью

могу заявить, что в естественных условиях такого не бывает никогда. Да и какой смысл одному из этих зверей уничтожать другого? Ни один из них жизненных интересов другого не затрагивает!

Точно так же и формулу Дарвина «борьба за существование», превратившуюся в модное выражение, которым часто злоупотребляют, непосвящен-

Перевод
Г.Ф.Швейника

ные чаще всего ошибочно относят к борьбе между различными видами. На самом же деле «борьба», о которой говорил Дарвин и которая движет эволюцию, — это в первую очередь **конкуренция** между ближайшими родственниками. То, что заставляет вид, каков он сегодня, исчезнуть или превращает его в другой вид, — это какое-нибудь удачное «изобретение», выпавшее на долю одного или нескольких собратьев по виду в результате совершенно случайного выигрыша в вечной лотерее Изменчивости. Потомки этих счастливых очень скоро вытеснят всех остальных, так что вид будет состоять только из особей, обладающих новым «изобретением».

...Функция сохранения вида гораздо яснее при любых межвидовых столкновениях, нежели в случае внутривидовой борьбы. Взаимное влияние хищника и жертвы дает замечательные образцы того, как селекционное давление некоторой функции вызывает соответствующие приспособления. Быстрота преследуемых копытных вырабатывает

Австрийского биолога Конрада Лоренца (1903—1989) у нас знают в основном как автора популярных книг «Человек находит друга» и «Кольцо царя Соломона» (почему так сложилось, подробно рассказано в статье О.Р.Арнольд в этом же номере «Химии и жизни»). Мало кто задумывается, за что, собственно, Конрад Лоренц и Нико Тинберген получили Нобелевскую премию 1973 года, в чем состоял их научный подвиг. Книга «Оборотная сторона зеркала» (М.: «Республика», 1998), в которую вошли «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» (1973), «Так называемое зло. К естественной истории агрессии» (1963) и «Оборотная сторона зеркала. Опыт естественной истории человеческого познания» (1973), восполняет этот пробел в нашем образовании.

АРХИВ

мощную силу прыжка и страшно вооруженные лапы у крупных кошек, а те, в свою очередь, развивают у жертвы все более тонкое чутье и все более быстрый бег... Но такого рода «борьба» между поедающим и поедаемым **никогда** не приводит к полному уничтожению жертвы хищником; между ними **всегда** устанавливается некое равновесие, которое — если говорить о видах в целом — выгодно для обоих... Кто непосредственно угрожает существованию вида — это, как уже было сказано, не «пожиратель», а конкурент, именно он и только он. Когда в давние времена в Австралии появились динго — поначалу домашние собаки, завезенные туда людьми и там одичавшие, они не истребили ни одного вида из тех, что служили им добычей, зато под корень извели крупных сумчатых хищников, которые охотились на тех же животных, что и они

Но также и в другом отношении столкновение между хищником и добычей не является борьбой в собственном смысле слова... Различие внутренних побуждений ясно видно уже по выразительным движениям. Когда собака в охотничьем азарте преследует зайца, у нее бывает точно такое же напряженно-радостное выражение лица, с каким она приветствует хозяина или предвкушает что-нибудь приятное. И по львиной морде в драматический момент перед прыжком можно вполне отчетливо видеть, как это зафиксировано на многих превосходных фотографиях, что он вовсе не зол. Рычание, прижатые уши и другие выразительные движения, связанные с боевым поведением, можно видеть у охотящихся хищников только тогда, когда они всерьез боятся своей вооруженной добычи — но и в этом случае лишь в виде намека.

Ближе к подлинной агрессии, чем нападение охотника на добычу, стоит интересный обратный процесс: «контратака» добычи против хищника. Особенно это касается стадных животных, которые всем скопом нападают на хищника, стоит лишь им его заметить: поэтому в английском языке описываемое явление называется «mobbing» (травля). Нападение на хищника-пожирателя имеет очевидный смысл для сохранения вида... С помощью травли многие птицы отгоняют обнаруженную днем сову так далеко, что на следующий вечер ночной хищник охотится где-нибудь в другом месте. Особенно интересна функция травли у ряда птиц с высокоразвитой общественной организацией, таких, как галки и многие гуси. У первых важнейшее значение травли для сохранения вида состоит в том, чтобы показать неопытной молодежи, как выглядит опасный враг. Такого врожденного знания у галок нет. У птиц это уникальнейший случай передачи знания с помощью традиции!

Из главы 7 «Формы поведения, аналогичные моральным»

Каждая неопытная индейка, только что впервые высидевшая индюшат, нападает на все предметы, движущиеся возле ее гнезда. У такой птицы нет врожденного «знания», как именно выглядят хищники, которых нужно отгонять. На беззвучно приближающееся чучело ласки или хомяка она нападает не более яростно, чем на чучело индюшонка, но, с другой стороны, готова тотчас по-матерински принять обоих хищников, если они предъявят «удостоверение индюшонка» — магнитофонную запись цыплячьего писка — через встроенный микродинамик. Сильное впечатление — видеть, как такая индейка, только что яростно клевавшая беззвучно приближавшегося птенчика, с материнским призывом расправляет перья, чтобы с готовностью принять под себя пищущее чучело хорька, подменного ребенка в самом отчаянном смысле слова.

Единственный признак, который, по-видимому, врожденным образом усиливает реакцию на врага, — это волосистая, покрытая мехом поверхность. По крайней мере, из наших первых опытов мы вынесли впечатление, что меховые чучела раздражают индеек сильнее, чем гладкие. В таком случае индюшонок — а он имеет как раз подходящие размеры, движется около гнезда, да еще вдобавок покрыт пухом — просто не может не вызывать у матери постоянного оборонительного поведения, которое должно столь же постоянно подавляться цыплячьим писком, чтобы предотвратить детоубийство. Это относится, во всяком случае, к птицам, выводящим потомство впервые и еще не знающим по опыту, как выглядят их собственные дети. При индивидуальном обучении рассматриваемые формы поведения быстро меняются.

Только что описанный примечательно противоречивый состав «материнского» поведения индейки заставляет нас задуматься. Совершенно очевидно, что не существует ничего такого, что, как целое, могло бы быть названо «материнским инстинктом» или «инстинктом заботы о потомстве»; более того, нет даже врожденной «схемы» врожденного узнавания собственных детей. Целесообразное, с точки зрения сохранения вида, обращение с потомством является скорее результатом множества эволюционно возникших форм движения, реакций и торможений, организованных Великими Конструкторами таким образом, что все вместе они действуют при нормальных внешних условиях как целостная система, «как будто» данное животное знает, что ему нужно делать в интересах выживания вида и его отдельных особей. Такая система уже **является** тем, что вообще можно было бы назвать «инстинктом», а в случае нашей индейки — инстинктом заботы о потомстве. Но это понятие, даже если рассматривать его указанным образом, вводит в заблуждение, поскольку функции этой системы не ограничиваются теми, которые соответствуют определению данного понятия. Напротив, в ее общую структуру встроены и такие побуждения, которые имеют совершенно другие функции, как в нашем примере агрессия и включающие ее рецепторные механизмы. Кстати, тот факт, что индейка разъяряется при виде пушистых птенцов, бегающих вокруг гнезда, — это отнюдь не нежелательный побочный эффект. Напротив, для защиты потомства в высшей степени полезно, чтобы птенцы, особенно их красивые пушистые шубки, с самого начала приводили мать в состояние раздражения и готовности к атаке. На детей она напасть не может, этому надежно препятствует торможение, вызванное их писком, и тем легче она разряжает свою ярость на другие живые существа, оказавшиеся вблизи...

Итак, если у видов, заботящихся о потомстве, мать не обижает своих малышей — это вовсе не само собой разумеющийся закон природы; в каждом отдельном случае это долж-

но быть обеспечено особым механизмом торможения...

У многих позвоночных, которые не заботятся о потомстве, и у некоторых из тех, которые заботятся о нем лишь ограниченное время, малыши уже в раннем возрасте, часто задолго до достижения окончательных размеров, бывают такими же ловкими, пропорционально такими же сильными и — поскольку эти виды так или иначе не могут научиться слишком многому — почти такими же умными, как взрослые. Поэтому они не особенно нуждаются в защите, и старшие собратья по виду обходятся с ними без всяких церемоний. Совсем иначе обстоит дело у тех высокоорганизованных существ, у которых большую роль играют обучение и индивидуальный опыт и у которых родительская опека должна продолжаться долго уже потому, что «жизненная школа» требует много времени. На тесную связь между способностью к обучению и продолжительностью заботы о потомстве уже указывали многие биологи и социологи.

Молодой пес, волк или ворон уже по достижении окончательных размеров тела — хотя еще не окончательного веса — бывает неловким, неуклюжим, долговязым существом, которое было бы совершенно не способно защитить себя от серьезного нападения взрослого собрата по виду, не говоря уж о том, чтобы спастись от него стремительным бегством. Казалось бы, молодым животным названных видов — и многих подобных — то и другое особенно необходимо: ведь они безоружны не только против внутривидовой агрессии, но и против охотничьих приемов своих собратьев по виду, поскольку речь идет о крупных хищниках. Каннибализм у теплокровных позвоночных, по-видимому, очень редок. У млекопитающих он, вероятно, исключается главным образом тем, что собратья по виду «невкусны», что довелось узнать многим полярным исследователям при попытках скормить мясо умерших или забитых по необходимости собак оставшимся в живых. Лишь истинно хищные птицы, прежде всего ястребы, могут иногда в тесной неволе убить и съесть своего сородича; однако я не знаю ни одного случая, чтобы подобное наблюдалось в охотничьих угодьях. Какие сдерживающие факторы этому препятствуют, пока неизвестно.

Для уже выросших, но еще неуклюжих молодых птиц и млекопитающих, о которых идет речь, агрессивное поведение взрослых, очевидно, гораздо опаснее любых каннибальских наклонностей. Эта опасность устраняется рядом очень четко организованных механизмов торможения. По наблюдениям Тинбергена, у гренландских эскимосских собак этот запрет ограничивается молодежью собственной стаи, запрета кусать чужих щенков у них не существует; быть может, так же обстоит дело и у волков. Каким образом узнается юный возраст собрата по виду, не вполне ясно. Во всяком случае, рост не играет здесь никакой роли: крошечный, но старый и злобный фокстерьер относится к громадному ребенку-сенбернару, порядочно надоевшему ему своими неуклюжими приглашениями поиграть, так же дружелюбно и миролюбиво, как к щенку такого же возраста собственной породы. Вероятно, существенные признаки, вызывающие это торможение, содержатся в поведении молодой собаки, а возможно, и в запахе. Последнее проявляется в том, каким образом молодая собака прямо-таки напрашивается на проверку запаха: если только приближение взрослого пса кажется молодому в какой-то степени опасным, он бросается на спину и тем самым предъявляет свой еще голенький щенячий животик, и к тому же выпускает несколько капель мочи, которые взрослый тотчас же нюхает.

Из главы 10 «Крысы»

В своем поведении по отношению к членам собственного сообщества животные, о которых пойдет речь, являются истинным образцом всех социальных добродетелей. Но они

превращаются в настоящих извергов, когда им приходится иметь дело с членом любого другого сообщества, кроме своего. Сообщества этого типа всегда слишком многочисленны для того, чтобы все могли лично знать друг друга; принадлежность к определенной группе узнается по определенному **запаху**, свойственному всем ее членам.

Про общественных насекомых с давних пор известно, что их сообщества, зачастую насчитывающие до нескольких миллионов членов, по сути дела, являются семьями, поскольку состоят из потомков одной-единственной самки или одной пары, основавшей колонию. Давно известно и то, что у пчел, термитов и муравьев члены такой гигантской семьи узнают друг друга по характерному запаху улья, термитника или муравейника и что неизбежно смертоубийство, если, скажем, в гнездо по ошибке забредет член чужого сообщества или человек-экспериментатор поставит бесчеловечный опыт, перемешав две колонии.

Насколько я знаю, только с 1950 года стало известно, что у млекопитающих, а именно у грызунов, тоже существуют гигантские семьи, которые ведут себя точно так же. Это важное открытие сделали практически одновременно и независимо друг от друга Ф.Штейнигер и И.Эйбль-Эйбесфельдт, один на серых крысах, а другой на домовых мышах...

Штейнигер помещал серых крыс, пойманных в разных местах, всех вместе в большой вольер, где животным были предоставлены совершенно естественные условия. Сначала отдельные животные, казалось, боялись друг друга. Настроения нападать у них не было. Тем не менее бывали серьезные стычки, когда животные случайно встречались, особенно если двух из них гнали вдоль ограждения навстречу друг другу, так что они сталкивались на достаточно большой скорости. По-настоящему агрессивными они стали только тогда, когда начали привыкать друг к другу и завладевать участками. Одновременно началось и образование пар из незнакомых друг другу крыс, пойманных в разных местах. Если одновременно возникало несколько пар, то следовавшие за этим схватки могли продолжаться очень долго; если же одна пара образовывалась несколько раньше, то тирания объединенных сил обоих супругов настолько подавляла несчастных соседей по вольеру, что дальнейшее образование пар прекращалось. Одинокие крысы очевидным образом понижались в ранге, и отныне пара преследовала их непрерывно. Даже в загоне площадью 64 квадратных метра такой паре, как правило, было достаточно двух-трех недель, чтобы прикончить всех остальных обитателей, т. е. 10—15 сильных взрослых крыс.

Самец и самка победоносной пары были одинаково жестоки к побежденным собратьям по виду, хотя было очевидно, что он предпочитает терзать самцов, а она — самок. Побежденные крысы почти не защищались. отчаянно пытались убежать и, доведенные до крайности, бросались туда, где крысам очень редко удается найти спасение, — вверх. На месте прежнего обилия крыс Штейнигер неоднократно видел израненных, измученных крыс, которые среди бела дня сидели на открытом месте, высоко на кустах или на деревцах, — явно заблудшие, бездомные создания. Раны у них располагались главным образом на задней части спины и на хвосте — как раз там, где преследователь мог достать убежавшего. Они редко умирали легкой смертью в результате внезапного глубокого ранения или сильной потери крови; чаще смерть была результатом сепсиса, особенно от укусов, повреждавших брюшину. Но больше всего животные погибали от общего истощения и нервного перенапряжения, которое приводило к недостаточности функции надпочечников...

Наблюдая кровавые трагедии, приводящие в конце концов к тому, что оставшаяся пара крыс завладевает всем вольером, трудно представить себе, как может развиваться

сообщество, которое скоро, **очень** скоро образуется из потомков победоносных убийц. Миролюбие, даже нежность, которыми отличается у млекопитающих отношение матерей к своим детям, у крыс свойственно не только отцам, но и дедушкам, а также всевозможным дядюшкам, тетушкам, двоюродным бабушкам и дедушкам и т. д. и т. п. — не знаю, до какой степени родства. Матери кладут все свои выводки в одно и то же гнездо, и вряд ли можно предположить, что каждая из них заботится только о собственных детях. Серьезных схваток внутри этой большой семьи не бывает никогда, даже если в ней насчитываются десятки животных. Даже в волчьих стаях, члены которых так учтивы друг с другом, звери высшего ранга едят общую добычу первыми. В крысиной стае рангового порядка **не существует**. Стая сплоченно нападает на крупную добычу, и более сильные ее члены вносят большой вклад в победу. Но затем — я цитирую Штейнигера дословно — «меньшие животные ведут себя фамильярно: большие добровольно подбирают объедки меньших. Так же и при размножении: во всех отношениях более резвые животные, выросшие лишь наполовину или на три четверти, чаще всего опережают взрослых. Молодые имеют все права, и даже сильнейший из старших не оспаривает их».

Внутри стаи не бывает серьезной борьбы, самое большее мелкие трения, которые разрешаются ударами передней лапки или наступанием задней, но укусами — никогда. Внутри стаи не существует индивидуальной дистанции; напротив, крысы — «контактные животные» в смысле Гедигера, они охотно касаются друг друга. Церемония дружелюбной готовности к контакту состоит в так называемом подползании, которое особенно часто наблюдается у молодых, в то время как более крупные чаще выражают свою симпатию к меньшим наползанием. Интересно, что чрезмерная назойливость в таких проявлениях дружбы является наиболее частым поводом к безобидным ссорам внутри большой семьи. Если старшему животному, занятому едой, чересчур надоедает младшее своим под- или наползанием, то первое обороняется: бьет передней лапкой или наступая задней. Ревность или жадность в еде почти никогда не бывает причиной подобных действий.

Серьезная грызня между крысами, принадлежащими к одной большой семье, происходит лишь в одном-единственном случае, многозначительном и интересном в разных отношениях, а именно когда присутствует чужая крыса, пробудившая внутривидовую, внутрисемейную агрессивность. То, что делают крысы, когда на их участок попадает член чужого крысиного клана — или когда он подсаживается экспериментатором, — это одна из самых впечатляющих, ужасных и отвратительных вещей, какие можно наблюдать у животных. Чужая крыса может бегать несколько минут или больше, не подозревая об ужасной судьбе, которая ее ожидает, и столь же долго местные могут заниматься своими обычными делами, — до тех пор, пока наконец чужая не приблизится к одной из них настолько, что та учует ее запах. Тогда она вздрагивает, как от электрического удара, и в одно мгновение вся колония оказы-

ваются поднятой по тревоге посредством передачи настроения, которая у серых крыс осуществляется лишь выразительными движениями, а у черных — еще и резким, сатанински-пронзительным криком, который подхватывают все члены стаи, услышавшие его. От возбуждения у них глаза вылезают из орбит, шерсть встает дыбом, и крысы начинают охоту на крысу. Они приходят в такую ярость, что если две из них натываются друг на друга, то сначала, на всякий случай, ожесточенно кусаются. «Они сражаются в течение трех—пяти секунд, — сообщает Штейнигер, — затем основательно обнюхивают друг друга, сильно вытянув шеи, и мирно расходятся. В день травли чужой крысы все члены стаи относятся друг к другу раздраженно и недоверчиво». Очевидно, члены крысиного клана узнают друг друга не лично, как, скажем, галки, гуси или обезьяны, а по общему запаху, точно так же, как пчелы и другие общественные насекомые.

Из главы 13 «Ессе Homo»

В символе плодов от древа познания заключена глубокая истина. Знание, выросшее из понятийного мышления, изгнало человека из рая, в котором он мог, бездумно следуя своим инстинктам, делать все, чего ему хотелось. Исходящее из этого мышления диалогически вопрошающее экспериментирование с окружающим миром подарило человеку его первые орудия: ручное рубило и огонь. И он сразу же использовал их для того, чтобы убивать и жарить своих собратьев. Это доказывают находки на стоянках синантропа: возле самых первых следов использования огня лежат раздробленные и, несомненно, поджаренные человеческие кости. Понятийное мышление дало человеку господство над всем невидимым окружением и тем самым спустило с цепи внутривидовой отбор, о вредных последствиях которого уже говорилось; в его «обвинительный акт» следует, видимо, занести и ту гипертрофированную агрессивность, от которой мы страдаем еще и сегодня. Дав человеку словесный язык, понятийное мышление одарило его возможностью передачи сверхиндивидуального знания и культурного развития; но это повлекло за собой настолько резкие изменения в условиях его жизни, что способность его инстинктов к ним приспособляться потерпела крах...

В главе о поведении, аналогичном моральному, мы уже узнали о тех тормозящих механизмах, которые у различных общественных животных сдерживают агрессию и предотвращают ранение или смерть собрата по виду. Как было там сказано, механизмы, естественно, наиболее важны и потому наиболее развиты у тех животных, которые в состоянии легко убить живое существо примерно таких же размеров, как они сами. Ворон может выбить другому ворону глаз одним ударом клюва, волк может одним-единственным укусом вспороть другому волку яремную вену. Если бы этого не предотвращали надежные запреты, давно не стало бы ни воронов, ни волков. Голубь, заяц и даже шимпанзе не в состоянии убить себе подобного одним-единственным ударом или укусом. К этому добавляется способность к бегству, развитая у таких не слишком вооруженных существ настолько, что позволяет им уходить даже от «профессиональных» хищников, которые в преследовании, поимке и убийстве более сильны, чем любой, даже самый быстрый и сильный собрат по виду. Поэтому при жизни на свободе обычно не существует возможности для того, чтобы такое животное причинило серьезный вред себе подобному. Поэтому нет и селекционного давления, которое вырабатывало бы запреты убийства. Если тот, кто держит животных, не принимает всерьез внутривидовую борьбу совершенно «безобидных» тварей, то он к своей беде и к

беде своих питомцев убеждается, что таких запретов действительно не существует. В неестественных условиях неволи, когда побежденный не может спастись бегством, постоянно происходит одно и то же: победитель старательно добивает его, медленно и жестоко. В моей книге «Кольцо царя Соломона» в главе «Мораль и оружие» описано, как горлица — символ всего мирного, — лишенная этих запретов, может замучить до смерти своего собрата.

Легко себе представить, что произошло бы, если бы игра природы вдруг одарила какого-нибудь голубя клювом ворона. Положение такого выродка, наверное, было бы совершенно аналогично положению человека, который только что обнаружил возможность использовать острый камень в качестве оружия. Поневоле содрогнешься при мысли о том, как существо, столь же возбудимое, как шимпанзе, с такими же внезапными вспышками ярости, размахивает каменным рубилом.

Общераспространенное мнение, которого придерживаются даже многие специалисты в области гуманитарных наук, сводится к тому, что все человеческое поведение, служащее благу не индивида, а общества, диктуется осознанной ответственностью. Такое мнение, несомненно, ошибочно... Наш общий с шимпанзе предок заведомо был не менее предан своему другу, чем дикий гусь или галка, не говоря уж о павиане или волке; несомненно, что он с таким же презрением к смерти готов был отдать жизнь ради защиты своего сообщества, так же нежно и бережно относился к молодым сородичам и обладал такими же запретами убийства, как все эти животные. На наше счастье, мы тоже в полной мере унаследовали соответствующие «животные» инстинкты.

Антропологи, которые занимались образом жизни австралопитека, африканского предшественника человека, заявляют, что эти предки, поскольку они жили охотой на крупную дичь, передали человечеству опасное наследство «натуры хищника» (carnivorous mentality). В этом утверждении заключено опасное смешение двух понятий — хищного животного и каннибала: эти понятия почти полностью исключают друг друга, каннибализм представляет у хищников редкое исключение. В действительности можно лишь пожалеть о том, что человек как раз **не имеет** «натуры хищника». Большая часть опасности, которые ему угрожают, проистекает из того, что от природы он сравнительно безобидное всеядное существо; у него нет естественного оружия, принадлежащего его телу, которым он мог бы убивать крупных животных. Именно потому у него нет и тех механизмов безопасности, возникших в процессе эволюции, которые удерживают всех «профессиональных» хищников от применения оружия против собратьев по виду...

В предыстории человека никакие особенно высокоразвитые механизмы для предотвращения внезапного убийства не были нужны: такое убийство было и без того невозможно. Нападающий, убивая свою жертву, мог только царапать, кусать или душить, причем жертва имела более чем достаточную возможность апеллировать к тормозам агрессивности нападающего жестами покорности и испуганным криком. Понятно, что на слабо вооруженных животных не действовало селекционное давление, которое могло бы вызвать к жизни те сильные и надежные запреты применения оружия, какие совершенно необходимы для выживания видов, обладающих опасным оружием. Когда же изобретение искусственного оружия внезапно открыло новые возможности убийства, то преждее равновесие между сравнительно слабыми запретами агрессии и такими же слабыми возможностями убийства оказалось в корне нарушено.

...Хотя со времени изобретения ручного рубила значительно возросла моральная ответственность и соответственно усилились вытекающие из нее запреты убийства,

но, к сожалению, в равной мере возросла и легкость убийства, а главное — утонченная техника убийства привела к тому, что последствия деяния уже не тревожат того, кто его совершил. Расстояние, на котором действует всякое огнестрельное оружие, спасает убийцу от раздражающей ситуации, которая в противном случае оказалась бы в чувствительной близости от него во всей ужасной отвратительности последствий. Эмоциональные глубины нашей души попросту не принимают к сведению, что сгибание указательного пальца при выстреле разворачивает внутренности другого человека. Ни один психически нормальный человек не пошел бы даже охотиться на зайцев, если бы ему приходилось убивать дичь зубами и ногтями. Лишь благодаря отгораживанию наших чувств от всех очевидных последствий наших действий становится возможным, чтобы человек, который едва ли решился бы дать заслуженную оплеуху невоспитанному ребенку, был вполне способен нажать пусковую кнопку ракетного оружия или открыть бомбовые люки, обрекая сотни милых детей на ужасную смерть в огне...

Только ощущение ценности, только чувство присваивает знак «плюс» или «минус» ответу на наш категорический вопрос к себе и превращает его в императив или в запрет. Но и то и другое возникает не из разума, а из стремлений, исходящих из тьмы, в глубину которой наше сознание не проникает. В этих слоях, лишь косвенно доступных человеческому разуму, инстинктивное и усвоенное путем обучения образуют в высшей степени сложную структуру, которая не только близко родственна такой же структуре высших животных, но в значительной своей части попросту ей тождественна. Эти структуры существенно различны лишь там, где у человека в усвоенное путем обучения входит культурная традиция. Из последовательности этих взаимодействий, протекающих почти исключительно в подсознании, возникают побуждения ко всем нашим поступкам, в том числе и к тем, которые сильнее всего образом подчинены управлению нашего самовопрошающего разума. Отсюда возникают любовь и дружба, вся теплота чувства, понятие красоты, стремление к художественному творчеству и к научному познанию. Человек, избавленный от всего так называемого «животного», лишенный стремлений, исходящих из тьмы, человек как чисто разумное существо **был бы отнюдь не ангелом, скорее его полной противоположностью!**

Между тем нетрудно понять, каким образом могло утвердиться мнение, будто все хорошее, и только хорошее, полезное для человеческого сообщества, обязано своим существованием морали, а все «эгоистичные» мотивы человеческого поведения, несомнимые с требованиями общества, возникают из «животных» инстинктов. Если человек задаст себе категорический вопрос Канта: «Могу ли я возвысить принцип моего поведения до уровня естественного закона, или при этом возникло бы нечто противоречащее разуму?» — то все формы поведения, в том числе и чисто инстинктивные, окажутся вполне разумными при условии, что они выполняют функции сохранения вида, ради которых были созданы Великими Конструкторами эволюции. **Противоречащее разуму появляется лишь в случае нарушения функции какого-либо инстинкта.** Отыскать это нарушение — задача категорического вопроса, а компенсировать — категорического императива. Если инстинкты действуют правильно, «по замыслу конструкторов», то вопрос к себе не сможет отличить их от разумного. В этом случае вопрос: «Могу ли я возвысить принцип моего поведения до уровня естественного закона?» получает безусловно положительный ответ, ибо этот принцип сам по себе уже является таким законом!

Ребенок падает в воду, мужчина прыгает за ним, вытаскивает его, исследует принцип своего поведения и нахо-

дит, что он, будучи возвышен до естественного закона, звучал бы примерно так: когда взрослый самец *Homo sapiens L.* видит, что жизни детеныша его вида угрожает опасность, от которой он может его спасти, — он это делает. Находится ли такая абстракция в противоречии с разумом? Конечно нет! Спаситель может мысленно хлопнуть себя по плечу и гордиться тем, как разумно и морально он себя вел. Если бы он на самом деле занимался такими рассуждениями, ребенок давно бы уже утонул, прежде чем он прыгнул бы в воду. Однако человеку, принадлежащему нашей западной культуре, очень не нравится слышать, что действовал он чисто инстинктивно и что каждый павиан в аналогичной ситуации сделал бы то же самое.

...Существует человеческая реакция, лучше всего показывающая, насколько необходимо может быть безусловно «животное» поведение, унаследованное от антропоидных предков, причем именно для поступков, которые не только считаются сугубо человеческими и высокоморальными, но и на самом деле являются таковыми. Эта реакция — так называемое **воодушевление**. Уже само название, которое создал для нее немецкий язык (*Begeisterung*), выражает мысль, что человеком овладевает нечто очень высокое, сугубо человеческое, а именно дух (*Geist*). Греческое слово «энтузиазм» означает даже, что им овладевает Бог. Однако в действительности воодушевленным человеком овладевает наш старый друг и новый враг — внутривидовая агрессия, и притом в форме древнейшей и никак не сублимированной реакции социальной защиты.

В соответствии с этим воодушевление запускается прямо таки с предсказуемостью рефлекса такими внешними ситуациями, которые требуют вступления в борьбу за нечто общественно важное, особенно если это освящено культурной традицией. Это может быть нечто конкретное — семья, нация, *Alma Mater* или спортивное общество, — а могут быть такие абстрактные понятия, как бывшее великолепие студенческих корпораций, неподкупность художественного творчества или профессиональный этос индуктивного исследования. Я единым духом называю вещи, которые представляются ценными мне самому, и вещи, которые непонятно почему воспринимаются как таковые другими людьми, с намерением показать недостаток избирательности, благодаря которому воодушевление становится иногда столь опасным.

К раздражающим ситуациям, вернейшим образом вызывающим воодушевление и целенаправленно создаваемым демагогами, принадлежит прежде всего угроза вышеупомянутым ценностям. Враг или его чучело может быть выбран почти произвольно и, подобно находящимся под угрозой ценностям, может быть конкретным или абстрактным. «Эти» евреи, боши, гунны, эксплуататоры, тираны и т. д. годятся точно так же, как мировой капитализм, большевизм, фашизм, империализм и многие другие «измы» Во-вторых, к раздражающим ситуациям такого рода относится возможно сильнее увлекающая за собой фигура вождя, без которой, как известно, не могут обойтись даже наиболее антифашистски настроенные демагоги (вообще сходство ме-

тодов, используемых самыми разными политическими течениями, свидетельствует об инстинктивной природе человеческой реакции воодушевления, которую можно использовать в демагогических целях). В-третьих — и это едва ли не самый важный момент, — к сильнейшим факторам, запускающим воодушевление, принадлежит также возможно большее число совместно увлеченных...

Каждый человек со сколько-нибудь сильными чувствами знает, какие субъективные ощущения сопровождают эту реакцию. Прежде всего она характеризуется качеством самого чувства, известного под именем воодушевления. По спине и, как выясняется при более внимательном наблюдении, также по внешней стороне рук пробегает «священный трепет». Человек чувствует себя освободившимся от всех связей повседневного мира и поднимающимся над ними, он готов все бросить, чтобы повиноваться зову Священного Долга. Все препятствия, стоящие на пути к выполнению этого долга, теряют значение и важность; инстинктивные запреты калечить и убивать собратьев по виду утрачивают, увы, значительную часть своей силы. Разумные соображения, любая критика или встречные доводы против действий, диктуемых воодушевлением, заглушаются тем, что удивительная переоценка всех ценностей заставляет воспринимать их не только как безосновательные, но даже как низменные и позорные...

С этими переживаниями коррелируется следующее объективно наблюдаемое поведение: повышается тонус всех поперечно-полосатых мышц, осанка становится более напряженной, руки несколько приподнимаются в стороны и слегка поворачиваются внутрь, так что локти немного выдвигаются наружу. Голова гордо поднимается, подбородок вытягивается вперед, а лицевая мускулатура создает совершенно определенную мимику, известную всем нам из кинофильмов как «героическое лицо». На спине и вдоль внешней стороны рук топорщатся волоски — именно это составляет объективную сторону пресловутого «священного трепета».

В священности этого трепета и в одухотворенности воодушевления усомнится тот, кто видел соответствующие формы поведения самца шимпанзе, который с беспримерным мужеством становится на защиту своего стада или семьи. Он тоже вытягивает вперед подбородок, напрягает все тело и поднимает локти в стороны; у него тоже шерсть встает дыбом, что приводит к резкому и несомненно устрашающему увеличению контура его тела при взгляде спереди. Поворот рук внутрь совершенно очевидным образом предназначен для того, чтобы обратить наружу наиболее заросшую сторону и тем усилить упомянутый эффект. Общая комбинация осанки и вздыбленной шерсти служит тому же «блефу», что у выгибающей спину кошки: она выполняет задачу изобразить животное более крупным и опасным, чем оно есть на самом деле. Но и наш «священный трепет» — не что иное, как взъерошивание шерсти, от которой у нас остались лишь следы.

Что переживает обезьяна при своей социальной защитной реакции — этого мы не знаем, но она, видимо, так же

самоотверженно и героически ставит на карту свою жизнь, как воодушевленный человек. Нет сомнений в подлинной эволюционной гомологии реакции защиты стада у шимпанзе и воодушевления у человека; более того, можно достаточно хорошо представить себе, как одно произошло из другого. Ведь и у нас те ценности, на защиту которых мы поднимаемся с воодушевлением, имеют прежде всего общественную значимость...

Тот факт, что мужественное выступление за то, что нам кажется высочайшей ценностью, протекает по таким же нервным путям, как социальные защитные реакции наших антропоидных предков, я воспринимаю не как отрезвляющее напоминание, а как весьма серьезный призыв к самопознанию. Человек, у которого такой реакции нет, — калекка в отношении инстинктов, и я не хотел бы иметь его своим другом. Но тот, кто дает увлечь себя слепой рефлексивности этой реакции, представляет угрозу для человечества, ибо он — легкая добыча для тех демагогов, которые умеют провоцировать раздражающие ситуации, вызывающие человеческую агрессивность, так же хорошо, как мы, специалисты по физиологии поведения, умеем проделывать это на наших подопытных животных. Когда при звонках старой песни или даже какого-нибудь марша по мне хочет пробежать священный трепет, я обороняюсь от искушения, говоря себе, что шимпанзе тоже производят ритмичный шум, готовясь к совместному нападению. Подпевать — значит протягивать палец дьяволу.

...Человечество не потому воинственно и агрессивно, что разделено на враждебно противостоящие друг другу партии; оно структурировано именно таким образом **потому, что это создает раздражающую ситуацию, необходимую для разрядки социальной агрессии**. «Если бы какое-то спасительное вероучение вдруг охватило весь мир, — пишет Эрих фон Гольст, — оно тотчас же раскололось бы по меньшей мере на два резко враждебных толкования (свое — истинное, другое — еретическое), и вражда и борьба пылали бы, как и раньше; ибо человечество, к сожалению, таково, каково оно есть».

Таков Двуликий Янус — человек. Единственное существо, способное с воодушевлением посвящать себя высшим целям, нуждается для этого в организации физиологии поведения, звериные особенности которой несут в себе опасность, что это существо будет убивать своих братьев в убеждении, будто так надо для достижения именно этих высших целей.

Ecce homo!